

Просодия предложений со «снятой» иллокутивной силой // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции Диалог'2010 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М.: Издательство РГГУ. 2010. С. 609-621.

ПРОСОДИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЙ СО «СНЯТОЙ» ИЛЛОКУТИВНОЙ СИЛОЙ¹

PROSODY OF SENTENCES WITH NO ILLOCUTIONARY FORCE

Янко Т.Е. (tanya_yanko@list.ru)

Институт языкознания РАН

В произведениях устной речи, не отражающих стандартных иллокутивных противопоставлений, т.е. не различающих частотных контуров сообщений, императивов и вопросов, просодия служит для сегментации на слова, предложения, тексты. Анализируется православное литургическое чтение, мусульманская молитва, чтение Бродским его собственных стихов.

В устной речи основная функция просодии – выражение иллокутивных сил. Так, в русском языке только просодия отличает сообщение (повествовательное предложение) от *да-нет*-вопроса, ср. сообщение *Он пришел* с падением частоты основного тона на *пришел* и вопрос *Он пришел?* – с подъемом на *пришел*. Высказываниям, где имеются сегментные средства выражения иллокутивной силы, например наклонение в императиве, тоже свойственны специальные суперсегментные показатели – определенные просодические контуры, которые выражают иллокутивные значения совместно с сегментными маркерами. Между тем существуют особые психологические состояния человека и определенные устные жанры, в которых иллокутивная функция просодически остается не выраженной. Просодия – это «слабое звено» системы языка, и она утрачивает – полностью или частично – свою выразительную силу при сильном волнении, слезах, опьянении, (о влиянии алкогольного опьянения на просодию см. Потапова, Потапов 2006: 20-30). Не выражается просодически иллокутивная сила и в пении, различных видах речитатива, чтении стихов и ритуальных текстов в некоторых литургических традициях. Когда человек поет, мелодия нивелирует языковые движения тона. Мелодекламация, литургическое чтение, чтение поэтами собственных стихов сродни пению, но в чистом виде пением не является, и некоторые коммуникативные значения здесь все-таки присутствуют. Возникает вопрос, какие это значения и как конкретно они выражаются.

Указания на связь между музыкальной организацией речитатива, в частности, церковных песнопений, и языкового синтаксиса традиционно служили предметом анализа в работах искусствоведов и музыковедов (см., например, Владышевская 1983, Кутузов 1999, Пантелеева 2009 и цитированную в этих работах литературу). Так, в работе Т.Ф. Владышевской (1983), посвященной анализу музыкально размеченных древних текстов, высказывается гипотеза о возможном соответствии между знаками так называемой экфонетической нотации (указаниями, какие слова и как выделять при распевном чтении ритуальных текстов) и знаками препинания. Однако конкретных соответствий между экфонетической нотацией и языковыми единицами, такими, как конец предложения, конец текста и иллокутивными значениями не устанавливаются. Возможно, регулярности в таких соответствиях и нет. С другой стороны, всесторонний анализ просодических (прежде всего, частотных) особенностей современного чтения православных молитв и произнесения проповедей с разбором по жанрам и традициям дан в книге О.А. Прохвятиловой (1999), где указывается, что, если для православной традиции в целом просодическое выражение иллокутивных сил

¹ Работа над темой финансируется Российским Государственным гуманитарным фондом, проект N08-04-00165a.

нехарактерно, то в неканоническом молитвенном чтении может быть представлена дифференциация иллокутивных просодий. В работе О.А. Прохвятиловой показано, в чем состоят средства выражения иллокутивных значений в некоторых православных традициях и в каком отношении к просодии спонтанной речи эти средства находятся.

Цель данной работы состоит в анализе функций просодии в произведениях речи – не только религиозного характера, в которых не выражена иллокутивная сила, и в установлении просодических и функциональных сходств и различий между речью со снятой иллокутивностью и спонтанной речью. Кроме литургического чтения, будет рассмотрено произведение иного жанра, который тоже характеризуется отсутствием выражения иллокутивных сил: это чтение Иосифом Бродским его собственного стихотворения.

Ниже представлены результаты анализа нескольких конкретных чтений – произведений устной речи, которые в той или иной степени представляют соответствующую традицию или стилистику. Окончательных выводов о просодической структуре традиций чтения при таком подходе сделать невозможно, потому что здесь рассмотрено только несколько образцов, но, как кажется, даже анализ отдельных произведений звучащей речи позволяет пролить свет на феномен «снятой иллокутивности». Кроме того, разбор конкретных устных исполнений молитв и стихов, тоже может представлять известный интерес для исследования.

Структура плана выражения звучащего текста реконструируется путем анализа перцептивных ощущений в связи с движениями тона, длительностью и интенсивностью звучания, для верификации результатов которого привлекается метод инструментального анализа. При инструментальном анализе используется компьютерная система анализа устной речи Speech Analyzer, у которой на выходе имеются графики изменения частоты основного тона, интенсивности звука и осциллограмма – преобразованный в машинную форму след, который оставляет на материале игла, возбужденная звуковыми волнами. Графики вторичны по отношению к нашему слуховому восприятию. Интуитивно люди всё слышат и воспринимают правильно, и графики только помогают эксплицировать услышанное. Инструментальные данные позволяют уточнить анализ на слух, так как известно, что способность к интроспекции по поводу плана выражения просодии у носителя языка, даже у лингвиста, развита гораздо слабее, чем способность к анализу сегментных явлений. Кроме того, использование графиков – это один из способов отразить для читателя на бумаге просодические параметры звучащей речи.

При анализе плана выражения просодии основным параметром служат частотные показатели, которые отражают релевантные подъемы и падения частоты основного тона речи. Параметр частоты – это основной и традиционно используемый в исследованиях показатель просодической структуры. Однако просодия не сводится к изменениям частоты. Второй релевантный показатель – это выбор словоформ-носителей акцентных пиков, потому что изменения частоты значимы не сами по себе, а в связи с тем, на какой словоформе в предложении они фиксируются, а также в связи со структурой ударных и безударных слогов словоформы-акцентоносителя. Насколько нам известно, в работах, посвященных просодии литургической речи (а часто и речи вообще) параметр выбора словоформ-носителей акцентных пиков не учитывается. В данной работе мы надеемся восполнить этот пробел. Третий релевантный показатель при анализе образцов, рассмотренных ниже, это длительность ударного слога словоформы-носителя акцентного пика и заударных слогов.

В работе выделяется три уровня анализа материала. Первый уровень – это анализ физической стороны речи. Релевантные подъемы и падения частоты основного тона, если они есть, нужно распознать на слух (и/или выделить на графике частот) и отличить их от нерелевантных изменений, например от менее рельефных словесных ударений и изменений частот, присущих конкретным сегментным единицам, – звукам речи, которые различаются, в частности, и по параметру частоты. Возникает вопрос, есть ли система в типах изменений частоты основного тона, длительности и в выборе носителей акцентных пиков при анализируемых типах чтения. И если такая система есть, то в чем она состоит? Второй уровень анализа состоит в собственно лингвистической интерпретации наблюдаемых явлений: какие иллокутивные и другие коммуникативные значения можно увидеть за изменениями тона, т.е. какой план содержания можно приписать тонально-темпоральным параметрам чтения? И наконец, третий уровень интерпретации состоит в

анализе функций наблюдаемых явлений в культурной – литургической или поэтической – традиции. Он неизбежно здесь возникает: почему священники и поэты именно так интонируют свою речь? Какая иллокутивная сила высшего порядка замещает отсутствующие стандартные иллокуции – сделать сообщение, задать вопрос, обратиться с просьбой или зовом? Большинство работ, посвященных проблемам анализа просодии церковной речи, например, фундаментальный труд О.А. Прохватиловой (1999), ставят соответствующую задачу и выдвигают интересные гипотезы. В нашей работе этот вопрос останется за рамками исследования. Мы сосредоточимся только на проблемах формального разбора звучащих произведений.

1. Православное литургическое чтение

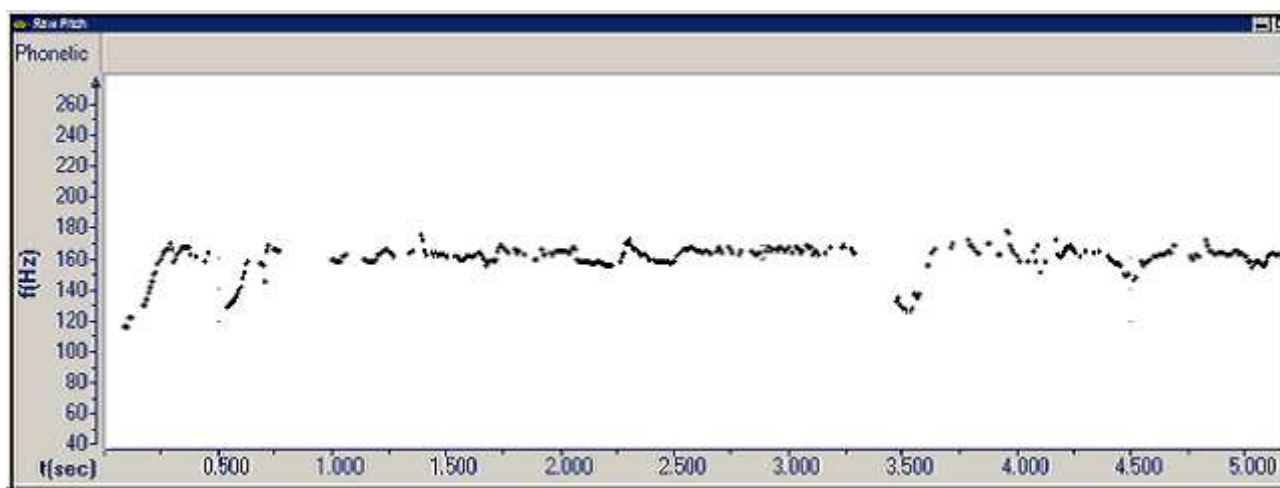
Начнем анализ с сопоставления записей литургического чтения православным священником молитвы «Отче наш» и речи того же человека в жанре наставления духовного отца пастве. Текст молитвы «Отче наш» приведем полностью.

Отче нашъ, Иже еси на небесѣхъ, (I)
да святисѧ има Твое, (II)
да прїидеть царствїе Твое: (III)
да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли, (IV)
хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь, (V)
и остави намъ долги наша, (VI)
акоже и мы вставляемъ должникомъ нашимъ, (VII)
и не введи насъ во искушенїе, (VIII)
но избави насъ от лукаваго. (IX)

Графики (тонограммы), приведенные ниже, фиксируют изменение частоты основного тона речи. Ось абсцисс отражает время в секундах, а ось ординат – частоту в герцах. На Тonoграмме 1 представлен фрагмент молитвы (строки (IV) и (V)), на Тonoграмме 2 – фрагмент беседы священника с верующими в свободной форме.

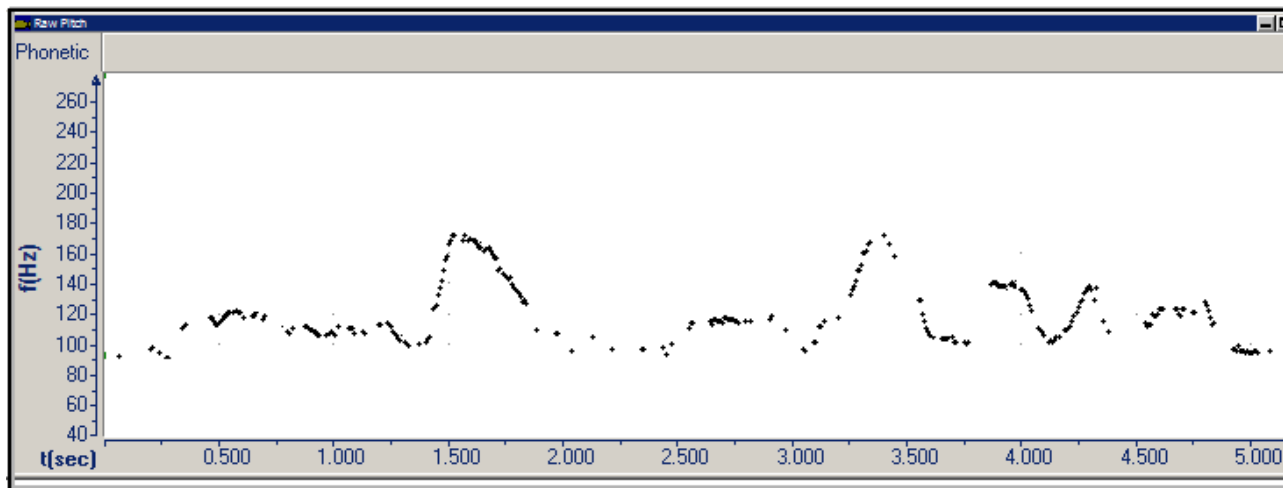
(1) ... *да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли, хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь*

Тonoграмма 1

да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли, хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь
 (IV) (V)

(2) ...*для того чтобы молитвы наши в наших устах звучали не лицемерно...*

... для того чтобы молитвы наши в наших устах звучали не лицемерно...

Сравним два графика. Говорит один и тот же человек. Как эксплицировать общие просодические различия, которые здесь наблюдаются?

1. Тоннограммы показывают, что молитва в целом звучит на более высоком среднем уровне. Минимальная частота молитвы – 120 герц, минимальная частота обычной речи данного говорящего – около 90 герц.
2. Диапазоны частот подъемов в обычной речи существенно больше, чем в литургической.
3. В примере (2) после словоформы *наши* в именной группе *молитвы наши* имеется существенная пауза. Эта пауза отделяет первую тему предложения *Для того чтобы молитвы наши* от второй темы *в наших устах*. Между темой *в наших устах* и ремой *звучали не лицемерно* (отрицательная частица *не* здесь просодически выделена говорящим) тоже имеется небольшая задержка артикуляции. При литургическом чтении паузы между началом и концом строки фактически отсутствуют.
4. Темы в предложении (2) *Для того чтобы молитвы наши* и *в наших устах* отмечены типичным акцентом темы с подъемом на ударных слогах словоформ *молитвы* и *устах* и падением на заударном слоге словоформы *молитвы*. Это акцент типа интонационной конструкции ИК-3 (по Е.А. Брызгуновой, об интонационных конструкциях см. Русская грамматика 1982: 103-118). Эти движения тона отчетливо видны на тоннограмме. На ударном слоге акцентносителя ремы *не лицемерно* можно наблюдать легкое падение частоты тона, которое продолжается и на заударных (ИК-1, по Брызгуновой), что полностью соответствует маркеру ремы в русском языке и, предположительно, в языке вообще.
5. Сами акцентносители – *молитвы*, *устах* и *не лицемерно* – выбраны в полном соответствии с принципами выбора акцентносителя в коммуникативном компоненте предложения, таком как тема, рема, компонент вопроса или императива. Отдельно на принципах выбора акцентносителя мы здесь не останавливаемся, они изложены в Янко 2001: 68-84; 2008: 38-60².

² По поводу словоформы-акцентносителя поясним, что ее выбор определяется актантной структурой предиката, активацией, исключающей имя референта, названного в предтексте, из списка претендентов на роль акцентносителя, внутренней структурой именных, глагольных и некусных групп, которые могут представлять собой атрибутивные и сочиненные группы и в которых действуют внутренние правила выбора акцентносителя, идиоматичностью заполнения валентностей и другими факторами. В результате действия этих факторов в языке вырабатывается

6. В молитве ни срединных пауз, ни падений нет. Есть только подъемы тона на ударных слогах с высокими ровными заударными, т.е. на заударных слогах частота держится на том уровне, который был достигнут в результате первоначального подъема на ударном слоге. Ровный тон в данном случае служит характеристикой распевного чтения.

В результате можно предположить, что в каноническом литургическом чтении членение на темы и ремы отсутствует, потому что мы не видим соответствующих показателей, и просодического отличия повествовательных предложений от императивов, а также, если судить по другим молитвам (это молитвы Утреннего цикла, из которого взято исполнение «Отче наш»), оптативов и вокативов – нет. Возникает вопрос, какие различия здесь есть. Как распределяются подъемы тона и на каких словоформах в строке они фиксируются? Вопрос о членении речи, в частности литургической, на высказывания, строки и законченные тексты мы здесь оставляем в стороне. Будем считать, что тексты расчленены: в обычном стиле речи – на предложения, в литургическом и поэтическом – на строки в соответствии с письменной формой соответствующих текстов, если говорящий (читающий) не вносит соответствующих корректив с помощью пауз и других средств.

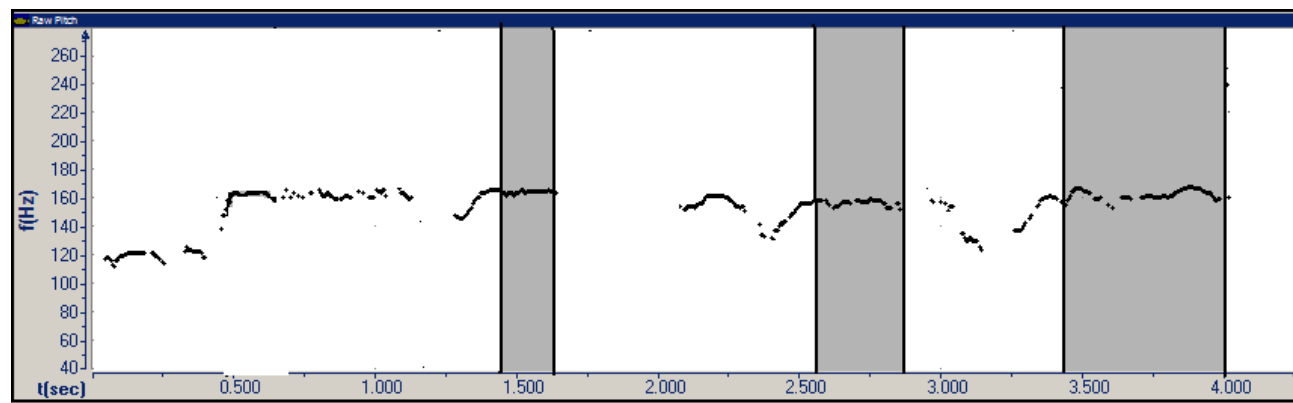
Какие конкретные просодические признаки литургического текста можно выделить? Анализ текста показывает, что это изменения частоты основного тона, длительность и выбор акцентоносителя. Наиболее частотная реализация первого признака – это подъем на ударном слоге словоформы-акцентоносителя плюс ровные заударные. Такой акцент наблюдается на словоформах *будет* и *хлеб* в примере (1). Такой тип изменения тона последовательно проходит через всю молитву и другие молитвы цикла.

Вторая реализация признака изменения частоты основного тона – тот же подъем с ровными заударными, но в меньшем диапазоне частот. В примере (1) это словоформа *воля*. Подъем с ровными заударными в сокращенном диапазоне частот тоже проходит через все молитвы цикла.

Реализация признака длительности – это опять же тот же подъем с ровными заударными плюс продленная длительность. Этот акцент возникает не в начале, а в конце строки, как в примере (3) на словоформе *лукаваго*.

(3) ... и не введи насъ во искушеНІЕ, но избаВИ НАСЪ

Тонаграмма 3

и не введи насъ во искушеНІЕ, но избаВИ НАСЪ от лукаВАГО

180 мсек

260 мсек

550 мсек

(VIII)

(IX)

Тонаграмма 3 демонстрирует длительность последовательности двух заударных слогов в разных позициях в строке: длительность конечных заударных здесь в 2-2,5 раза больше, чем в других позициях. Этот акцент мы интерпретируем

определенная иерархия синтаксических компонентов предложения в соответствии с их готовностью служить акцентоносителем коммуникативного компонента предложения. Так, второе дополнение имеет приоритет перед первым дополнением и подлежащим; подлежащее имеет приоритет перед финитной формой глагола; несогласованное определение имеет приоритет перед определяемым именем; определяемое имеет приоритет перед согласованным определением. Например, предложение *Ветер ветку клонит* с акцентоносителем словоформой *ветку* иллюстрирует приоритет дополнения над подлежащим.

как маркер конца, но не предложения, а текста. На словоформе *лукаваго* молитва кончается. Этот же акцент мы находим и в других молитвах цикла, оканчивающихся на *Аминь!* В конечных строках, таким образом, наблюдается не один акцент, а, как минимум, два: начальный и конечный. В примере (3) конечная строка (IX) имеет два подъема – на начальной словоформе *избави* и на конечной – *лукаваго*, причем словоформа *лукаваго* имеет сверхдолгие заударные.

Последний релевантный признак – выбор словоформы-акцентоносителя. Наши наблюдения показывают, что акцентоносителем подъема в максимальном для строки диапазоне служит первое фонетическое слово. Этот акцентоноситель выбирается чисто механически – в обход принципов выбора акцентоносителя, существующих в языке и основанных на синтаксических приоритетах и других факторах. В примере (1) это словоформы *будеть* и *хлѣбъ*, а в примере (3) – *введи* и *избави*.

Далее. Носителем подъема в меньших диапазонах частот служит акцентоноситель, который выбирается по синтаксическим правилам и который можно назвать дефолтным (или «правильным»). Этот тот акцентоноситель, который был бы в предложении, если бы его выбор не механическим, а собственно языковым. В примере (1) (строка (IV)) дефолтный акцентоноситель – словоформа *воля*, а в строке (V) *хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесъ* это словоформа *хлѣбъ*, которая служит здесь не только дефолтным акцентоносителем, но и совпадает с первым фонетическим словом.

Как уже говорилось выше, мы не останавливаемся здесь на принципах выбора дефолтного акцентоносителя, но для объяснения его выбора, можем предложить простой эмпирический прием. Чтобы выбрать акцентоноситель в церковнославянском предложении, нужно взять соответствующее русское предложение предложение с нейтральным порядком слов. Для строки (V) в примере (1) это предложение (4):

(4) *Дай нам сегодня наш насущный хлеб.*

(Поясним, что под нейтральным порядком мы понимаем такой, у которого вклад линейной структуры в семантическую минимальный.) Далее. В нейтральном русском предложении следует определить, какая словоформа располагается в абсолютном конце, потому что в нейтральных предложениях акцентоноситель располагается в исходе предложения. В русском предложении (4) это словоформа *хлеб*, а в предложении (5), соответствующем строке (V), это словоформа *воля*:

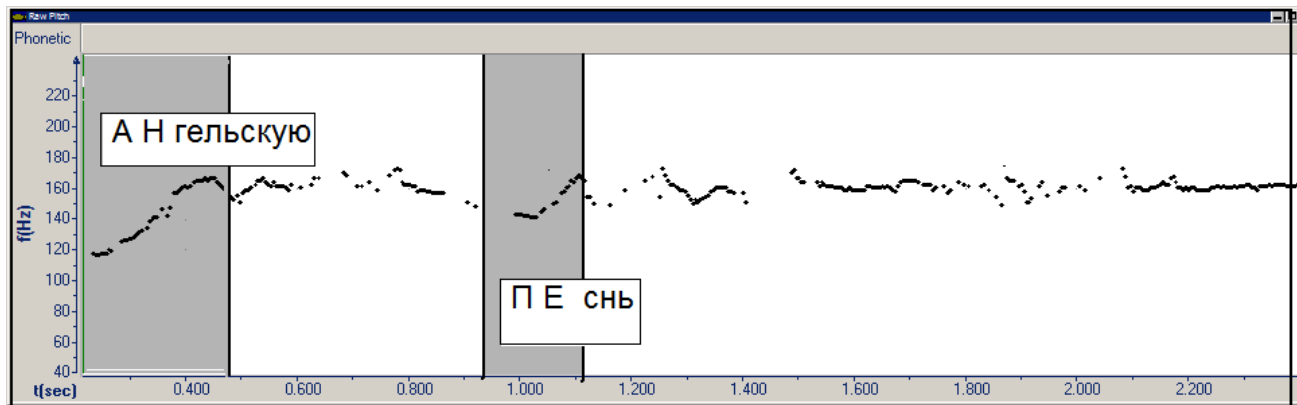
(5) *Да будет твоя воля.*

В результате, конечная словоформа русского предложения с нейтральным порядком слов предсказывает носитель дефолтного акцента в церковнославянском предложении. Доказательство того, что дефолтные акцентоносители русского языка совпадают с носителями второстепенных – меньших по диапазону – подъемов в тексте православных молитв, если они находятся не в начале строки, мы здесь опускаем. Оно следует из принципов выбора акцентоносителя, о которых говорилось выше и которые изложены в (Янко 2001: 68-84; 2008: 38-60), а также из того, что принципы выбора акцентоносителя в русском и церковнославянском (и предположительно – в любом) языке в основном совпадают. Некоторые несовпадения выбора акцентоносителя для разных языков изложены в (Янко 2008: 73-82; 274-282), но эти расхождения не затрагивают тех случаев, которые рассматриваются здесь.

В примере (6) из Тропарей Троицных мы наблюдаем два акцентоносителя: начальный – это словоформа *ангельскую* – и дефолтный, который отмечен более слабым акцентом, – это словоформа *песнь*, ср. русское предложение (7) с конечным акцентоносителем *песнь*. На тонограмме (4) ниже области, соответствующие ударным слогам словоформ-акцентоносителей *ангельскую* и *песнь*, выделены курсорами и заливкой.

(6) *и ангельскую песнь вопием Ти, Сильне*

Тонограмма 4

и а н г е л ь с к у ю п е с ь в о и е м Т и, С и л ь н е

(7) *Мы вопием тебе ангельскую песнь.*

В примерах (1) (строка (IV)) и (6) начальная словоформа не совпадает с дефолтным акцентоносителем, поэтому в этих строках по два акцентоносителя – начальный и дефолтный. Дефолтный акцентоноситель, не совпадающий с начальной словоформой в строке, несет подъем в меньшем диапазоне частот, чем начальный. Неначальные акцентоносители могут возникать не только как собственно дефолтные, но и в результате других факторов, например, контраста, в частности, в присутствии контрастных частиц. Так, в примере (8) (строка (VII)) частица *и* в значении ‘тоже’ сообщает соответствующей неначальной словоформе *мы* второстепенный восходящий акцент. В принципе, контраст, требующий в языке акцентного выделения, тоже можно рассматривать как дефолтное (обязательное, системное) требование акцентирования соответствующей церковнославянской словоформы.

(8) *акоже и мы вставляемъ должникомъ нашимъ,*

Таким образом, в (8) на *акоже* – первый акцент, а на *мы* – второй, дефолтный, с фонетической точки зрения – второстепенный, т.е. совершающийся в меньшем диапазоне частот.

Итак, в литургическом чтении мы предлагаем выделять три типа подъема – 1) подъем в большом диапазоне частот, 2) подъем в усеченном диапазоне частот и 3) подъем в условиях продленной длительности. Подъем в большом диапазоне частот маркирует начало строки, подъем в усеченном диапазоне частот маркирует дефолтный акцентоноситель соответствующего предложения, если этот акцентоноситель находится не в начале строки, т.е. этот акцентоноситель отражает синтаксическую структуру предложения. Этот – второй – акцент в предложении факультативен: литургическое чтение нацелено не на отражение языкового синтаксиса предложения, а на структуру текста. И наконец, подъем со сверхдолгими заударными формирует конец текста. Соответственно, в конечной строке, как минимум, два акцентоносителя: первый формирует строку, второй – завершает текст. Показателей других значений мы в данном типе чтения не видим. Стандартные иллокутивные смыслы здесь, таким образом, не выражены. Возможно, отказ от выражения стандартных иллокутивных сил служит средством для выражения других коммуникативных намерений говорящего, о которых мы здесь не судим.

2. «Pater noster» vs. «Отче наш»

Обратимся к историческому вознесению молитвы Pater noster папой Пием XII при воцелении на папский престол. Чтение папы выдержано в торжественном стиле, молитва читается прочувствованно с энергичным выражением всех иллокутивных сил. Так читают актеры стихотворные произведения. Обратимся к тексту молитвы.

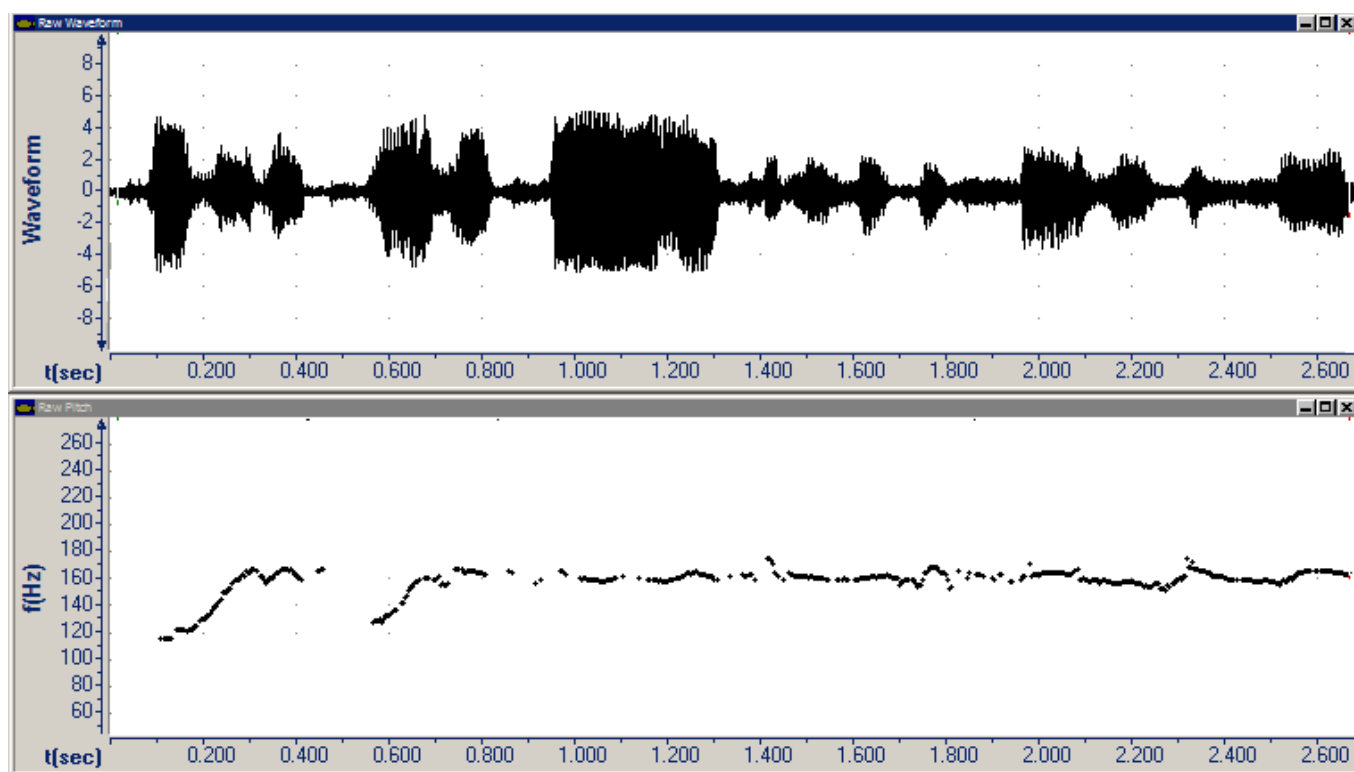
*Pater noster, qui es in caelis,
sanctificetur nomen tuum,
adveniat regnum tuum,
fiat voluntas tua,
sicut in caelo, et in terra.*

*Panem nostrum quotidianum da nobis hodie;
 et dimitte nobis debita nostra,
 sicut et nos dimittimus debitoribus nostris;
 et ne inducas nos in tentationem,
 sed libera nos a Malo. Amen.*

Сравним православное литургическое чтение (пример (9), строка (IV), тонограмма 5) и чтение соответствующего фрагмента молитвы «Pater noster» Прием XII (пример (10), тонограмма 6). (Поясним, что, кроме тонограмм, здесь – на верхней панели – приводятся и осциллограммы, отражающие, в частности, структуру пауз, которые на осциллограмме выглядят как отрезки с минимальной амплитудой колебаний. Тонограммы паузацию в полной мере не отражают, так как перерывы в цельности графиков частоты приходятся здесь не только на паузы, но также и на глухие согласные).

(9) *да будетъ вола Твоа, яко на небеси и на земли.*

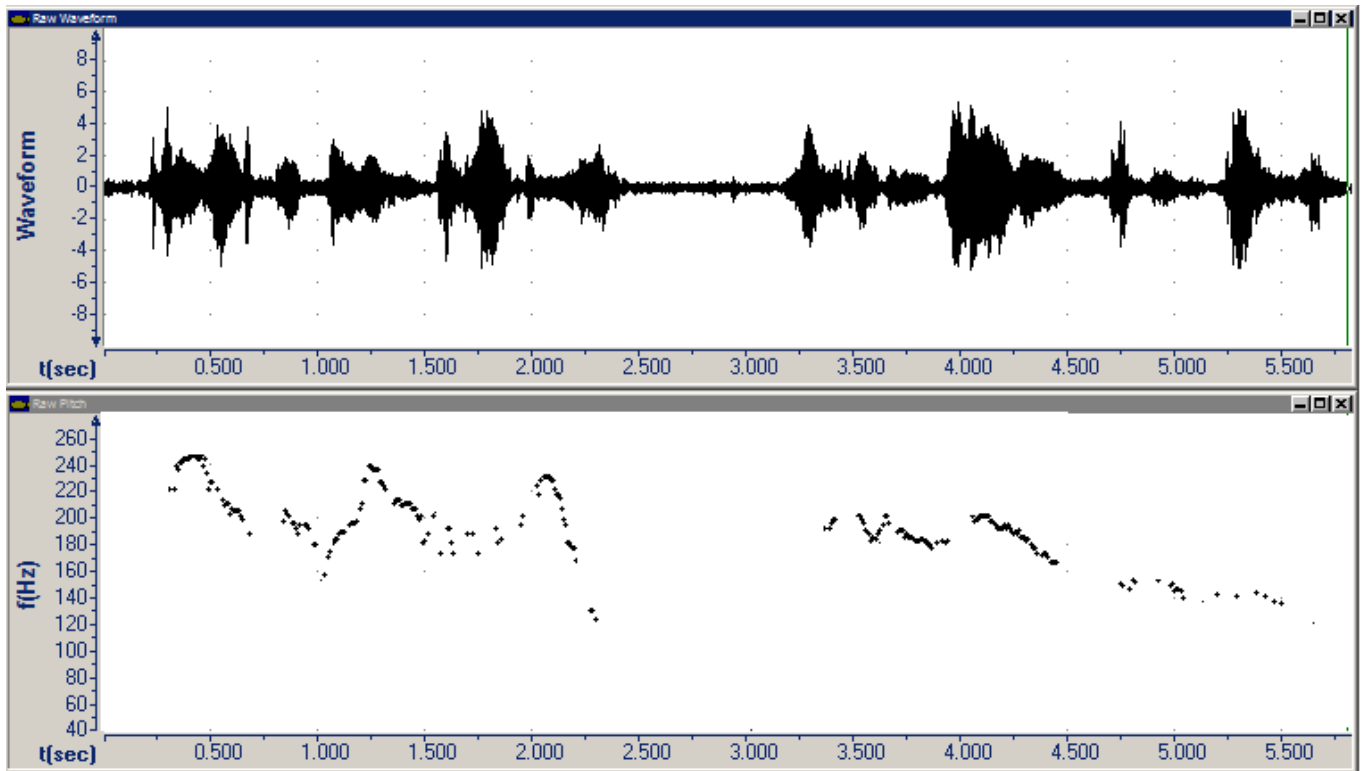
Тонограмма 5

да будетъ вола Твоа, яко на небеси и на земли

(10) *...fiat voluntas tua, sicut in caelo, et in terra.*

Тонограмма 6

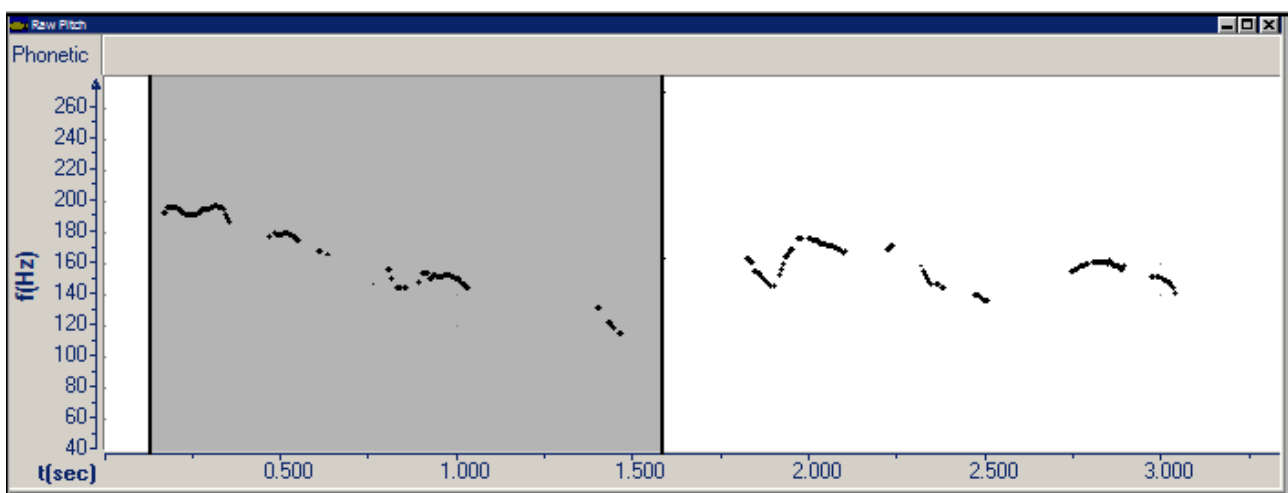
fiat voluntas tua, sicut in caelo, et in terra.

Фрагмент *Fiat voluntas tua* читается в полном соответствии с просодическими средствами выражения опатива – конкретный язык в данном случае роли не играет – с высоким началом на *fiat* и рельефным падением на *tua*. Между главным предложением и придаточным с *sicut* имеется полноценная прочувствованная пауза. В исходе всего предложения частота падает, что характерно для данного типа речевых актов в речи с просодически ясными иллокутивными силами. Выбор акцентоносителей находится в полном соответствии с принципами выбора акцентоносителя в языке: об этом говорит и высокая частота на ударном слоге словоформы *fiat*, и крутое падение на *tua*, высокий тон на ударном слоге словоформы *caelo* – начале союзной группы, состоящей из двух связанных союзом *et* конъюнктивных членов, и падение на ударном слоге завершающей словоформы *terra*, которое продолжается на заударном слоге. Как мы видим, в лаконичном православном чтении такой игры иллокутивных просодий нет.

Приведем другие примеры из «Pater noster». Обратимся к начальным словам (тонограмма 7):

(11) *Pater noster, qui es in caelis,*

Тонограмма 7

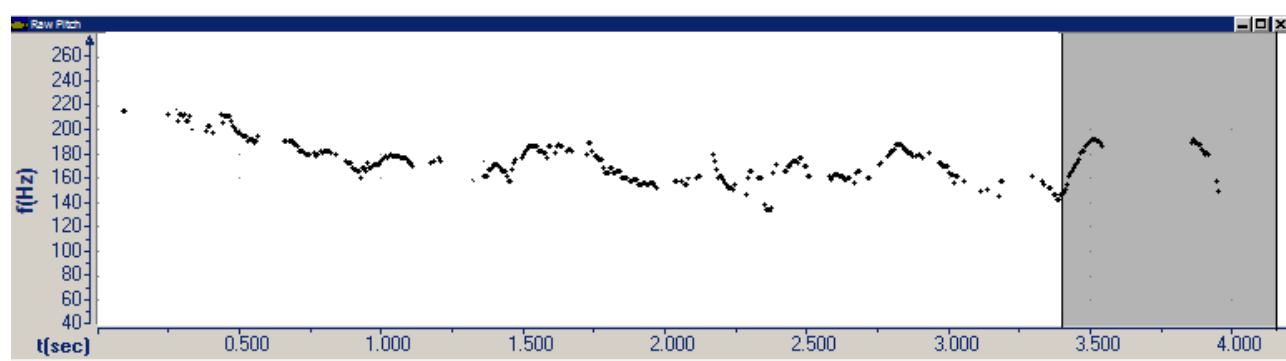
P a t e r n o s t e r, q u i e s i n c a e l i s

Вокатив *Pater noster* начинается с высокой частоты на первом ударном слоге словоформы *pater*, на второй словоформе вокатива частота падает, между вокативом и определением к нему *qui es in caelis* имеется существенная

пауза. Словоформа *caelis* маркирует незавершенность текста – на ней фиксируется подъем на первом ударном слоге и падение на заударном. Опять же и иллокутивное значение, и незавершенность текста выражены здесь весьма рельефно. Показатель незавершенности с подъемом на ударном слоге и падением на заударных (т.е. типа ИК-3, по Брызгуновой) мы находим и в примере (12). Акцентоноситель незавершенности – словоформа *nostris*. Это основной – немаркированный, т.е. не отягощенный другими сопутствующими незавершенности значениями, показатель связности текста во многих (предположительно – во всех) языках. Для этого показателя характерно падение на заударных, если они есть. Этот показатель частотен в разговорной речи, а для православной литургической традиции он нехарактерен.

(12) ...*sicut et nos dimittimus debitoribus nostris* ...

Тонограмма 8

...*sicut et nos dimittimus debitoribus nostris* ...

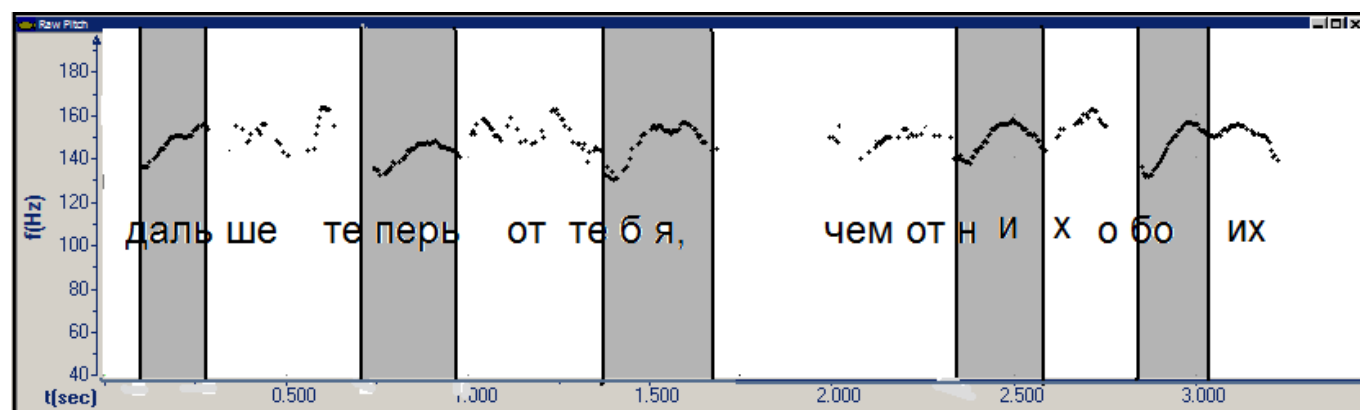
Итак, папа читает молитву с сохранением всех интонационных показателей иллокутивных и других коммуникативных значений, воспроизводя свое общение с Всевышним, как общение с человеком. Он призывает к Богу, не цитируя Иисуса Христа и не ведя за собой паству, а от своего собственного имени. Это отличает его чтение от православного литургического речитатива, который отмечен снятием стандартных иллокутивных сил.

3. «Ниоткуда с любовью» И. Бродского в исполнении автора

Обратимся к чтению Иосифом Бродским его собственных стихов. Тонограмма чтения демонстрирует последовательность подъемов продленной длительности на каждом фонетическом слове с относительно ровными или вибрирующими заударными. Это чтение без начал и концов строк, без разделения высказываний на сообщения и вокативы, что иллюстрирует тонограмма 9 выбранного наугад фрагмента (13):

(13) ...*дальше теперь от тебя, чем от них обоих*...

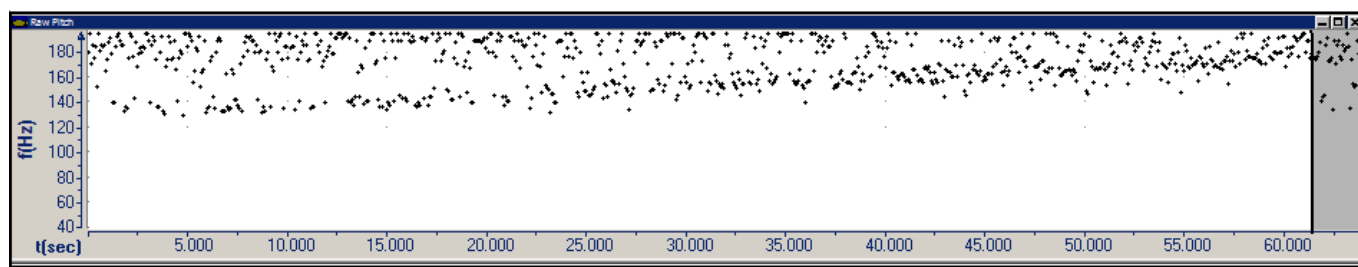
Тонограмма 9

На ударных слогах словоформ *дальше*, *теперь*, *тебя*, *них* и *обоих* в данном отрезке мы видим подъемы в сокращенных диапазонах частот и заударные продленной длительности. Единственное формальное значение, которое удастся приписать данной просодии, если отвлечься от поэтической сверхзадачи автора, это членение текста на ритмические группы – в данном случае – на полнозначные слова, включая местоимения. Все чтение достаточно последовательно

выдержано в подобной манере. Между тем, если перейти от фрагмента к тексту в целом, можно обратить внимание и на другие функции просодии, которые при такой стилистике чтения наблюдаются. На тонограмме 10 представлен сжатый график показателей частот всего стихотворения в целом.

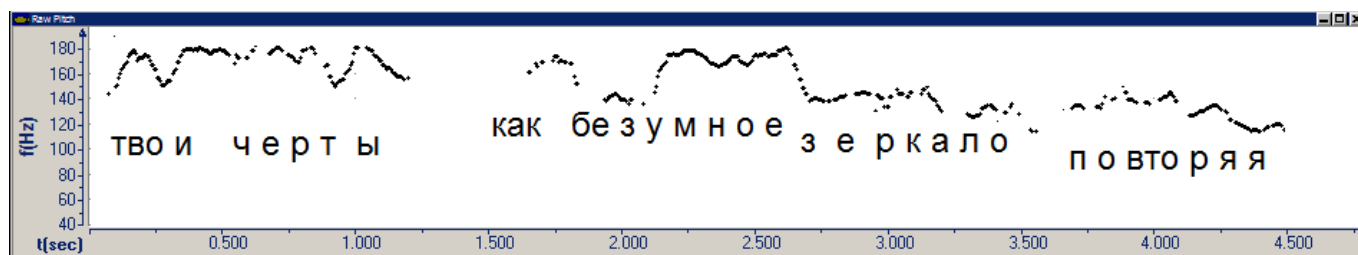
Тонограмма 10

Мы видим, что к концу стихотворения средняя частота артикуляции последовательно повышается, что говорит о растущем эмоциональном напряжении поэта. Минимальные частоты в начале чтения – около 120 герц, в конце – около 160. Это не языковое значение и не специальное средство выражения душевного накала, а отражение физиологического состояния человека в зеркале частот основного тона его голоса. При эмоциональном возбуждении частота голоса повышается. И только два последних фонетических слова несут на себе маркер конца текста, что выражается в видимом падении частоты. Соответствующая область на тонограмме 10 выделена курсорами и заливкой. Это словоформы *зеркало* и *повторяя*. Ср. кривую частоты финального фрагмента стихотворения (12) на тонограмме 11.

(12) ...твои черты, как безумное зеркало, повторяя.

Тонограмма 11

Фрагмент *твои черты, как безумное* артикулируется на высоких частотах, между тем на *зеркало* и *повторяя* происходит общее снижение частоты на ударных с сохранением вибрирующего рисунка на заударных. Стихотворение кончается, перед нами маркер конца текста – возвращение к частотам начала. Автор читает стихотворение, подчеркнуто игнорируя концы строк не только с помощью просодии, но, прежде всего, с широким использованием синтаксического средства отказа от членения строфы на строки – приема *enjambement*. Паузы не несут семантической нагрузки, они используются автором только для восстановления дыхания. При подобном чтении различия между текстом и предложением стираются.

4. Аят аль Курси

В данном подразделе сделана попытка обнаружить элементы формального просодического членения мусульманской молитвы. Перед нами одно из немногих исполнений этой молитвы, которое ближе к речитативу, чем к пению. Читает шейх Аль-Хусейни аль-Азази. Обратимся к тексту молитвы в латинской транслитерации.

Ayat al Kursi

Bismillahir-Rahmanir-Raheem

‘Во имя Аллаха, милостивого и милосердного’

Allahu la ilaha illa Huwa, Al-Haiyul-Qaiyum

‘Аллах - это тот, кроме которого, нет божества. Он живой, вечно существующий’

La ta'khudhuhu sinatun wa la nawm,

‘не одолевают его ни дремота, ни сон.’

lahu ma fis-samawati wa ma fil-'ard

‘Ему принадлежит все, что в небесах, и все, что на земле,’

Man dhal-ladhi yashfa'u 'indahu illa bi-idhnihi

‘кто перед ним заступится, без его разрешения?’

Ya'lamu ma baina aidihim wa ma khalfahum,

‘Он знает, что было перед ними и знает, что будет после них,’

wa la yuhituna bi shai'im-min 'ilmihi illa bima sha'a

‘они овладевают из Его знаний только тем, что он пожелает.’

Wasi'a kursiyuhus-samawati wal ard,

‘Трон Его объемлет Небеса и Землю’

wa la ya'uduhu hifdhuhuma Wa Huwal 'Aliyul-Adheem

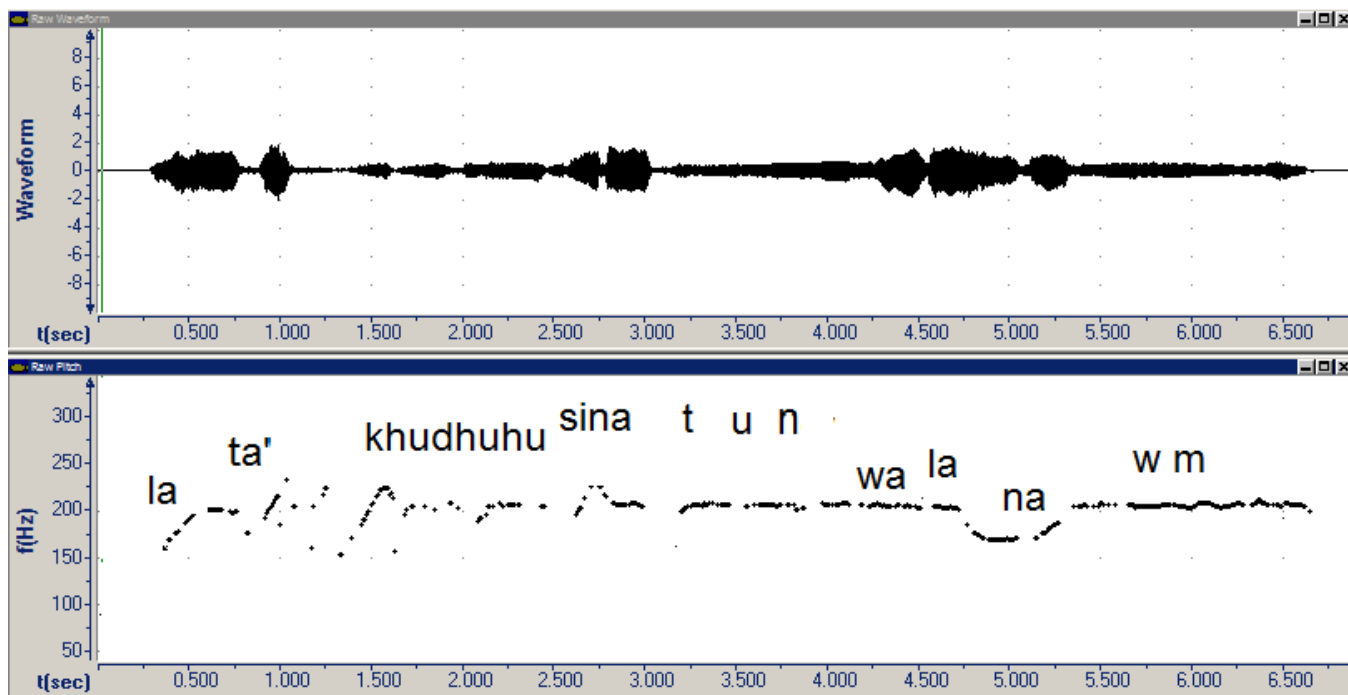
‘и не тяготит Его охрана их, истинно.’

Это чтение характеризуется двумя релевантными подъемами продленной длительности – в начале и в конце строки. В примере (13) релевантные движения тона фиксируются на слоге [la] в начале строке и на [nawm] (плюс сверхпродленная долгота) – в исходе, ср. тонограмму (и осциллограмму) 12.

(13) *La ta'khudhuhu sinatun wa la nawm*

‘не преодолевают его ни дремота, ни сон’

Тонограмма 12

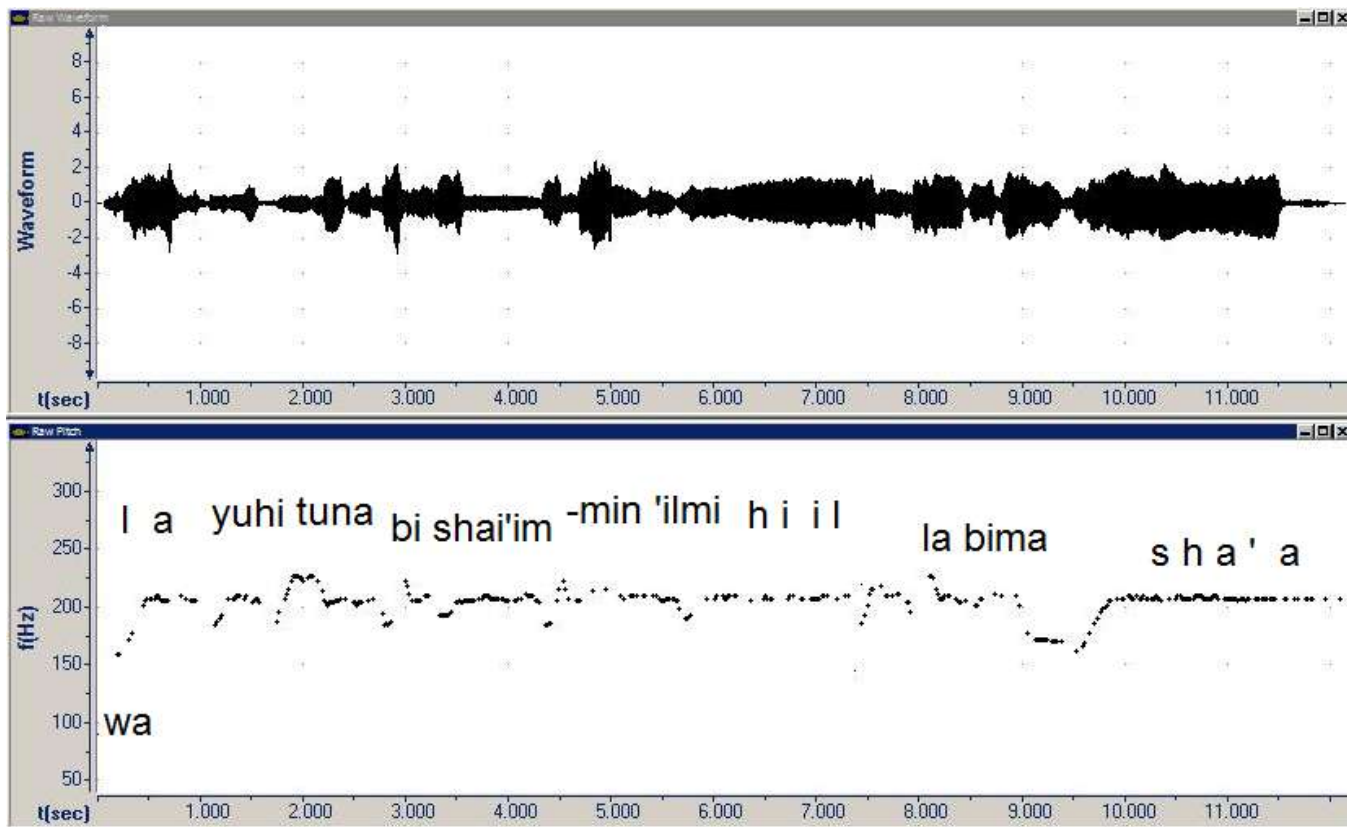

И аналогичный пример с начальным подъемом на [la] и конечным – на [shaɪa]:

(14) *wa la yuhituna bi shai'im-min 'ilmihi illa bima sha'a*

‘они овладевают из Его знаний только тем, что он пожелает’

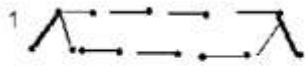
Тонограмма 13

В отличие от других рассмотренных здесь текстов структура чтения Аль-Азази аль-Хусейни представлена в несколько упрощенном виде, однако основная тенденция к выделению начал и концов строк, которая хорошо воспринимается на слух, в нем выдерживается. Конец текста просодически специально никак не отмечен.

5. Схемы строк

Мы рассмотрели четыре типа просодической артикуляции предложений и/или строк. Представим их схематически. Жирный отрезок обозначает ударный слог, тонкий – заударные. Удлиненный отрезок символизирует увеличение длительности слога. 1) Первая схема характеризует речевые акты-невопросы с подъемом в начале предложения и падением в конце. Срединная артикуляция может быть различна – с высокими и низким заударными в зависимости от выражаемых значений. Эта схема отражает обыденную речь, а из рассмотренных выше примеров – обращение православного священника к пастве и чтение папой Пием XII молитвы “Pater noster”. 2) Православное литургическое чтение характеризуется подъемом тона с ровными заударными в начале каждой неконечной строки текста (первая строка на схеме в разделе 2) и дополнительным подъемом плюс увеличенная длительность – в конце текста (вторая строка на схеме в разделе 2). В строках (неконечных и конечных) может также – факультативно – быть дополнительный подъем в сглаженном диапазоне частоты на акцентоносителе, который отражает синтаксическое членение. На схеме этот акцентоноситель не отражен. 3) Бродский отмечает подъемами с ровными (или качающимися) заударными каждое фонетическое слово текста плюс падение частоты в абсолютном конце текста по просодическому типу ремы. 4) Аят аль Курси читается с двумя подъемами в начале и в конце каждой строки.

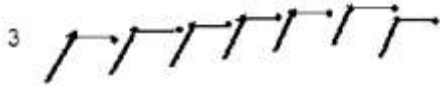
1. Обычная речь, Пий XII, обращение к пастве

2. Православное литургическое чтение

3. И. Бродский

4. Аль-Азази Аль-Хусейни

Было рассмотрено несколько произведений устной речи, которые характеризуются снятием стандартных иллокутивных значений. Отказ от выражения иллокутивных значений имеет различные цели, сознательные и несознательные, которые могут служить объектом анализа у соответствующих специалистов.

Список литературы

1. Владышевская Т.Ф. К вопросу о роли византийских и национальных русских элементов в процессе возникновения древнерусского церковного пения // Материалы IX Международного съезда славистов в Киеве. М., 1983, Сс. 10-31.
2. Кутузов Б. Экфонетика в православном богослужении // Журнал Московской патриархии. N7. 1999.
3. Пантелеева И.А. Влияние античной декламации на формирование музыкальных основ религиозного дискурса // Наука. Релігія. Суспільство» № 1, 2009.
4. Прохватилова О. А. Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи. Волгогр. гос. ун-т., Волгоград, 1999. 362 с.
5. Потапова Р. К., Потапов В. В. Язык, речь, личность. М., ЯСК, 2006. Сс. 20-30.
6. Русская грамматика Т. 1, М.: Наука, 1982.
7. Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: ЯСК, 2001.
8. Янко Т.Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М.: ЯСК, 2008.